

review ПЕРМСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Общественный договор с отсрочкой исполнения

Даже если на форуме побывало несколько тысяч человек, третья задача любого организатора после собственно организации и работы по повестке — обеспечить трансляцию происходящего для отсутствующих. Редактор „Ъ-Review“ ДМИТРИЙ БУТРИН рассказывает о важнейших итогах ПЭФ-2011 для тех, кто пока не долетел до Перми. Это прежде всего попытка рационального и иррационального анализа первых двух десятилетий России в поиске социальнo-культурных оснований для стратегии 2010-х: смысл поисков форумом формул «общественного договора» не в самих формулах, а в обозначении пространства, в котором их можно и осмысленно вести. На взгляд снаружи, оно существует.

Не удивительно, что формат ПЭФа столь тщательно отличается от большинства других схожих форумов в России: первый вопрос, который обычно задает человек, не бывавший в Перми весной, — почему Пермский форум именуется «экономическим»? Что тут, собственно, про экономику? В повестке дня и 1990-х, и 2000-х с ее характерным экономоцентризмом довольно банальное соображение о том, что, собственно, никакой «экономики» отдельно от «общественной проблематики» и «культурной повестки» не существует, поскольку речь идет о различных проекциях одного и того же процесса, жизни общества, которое торгуется, строит, думает, формулирует, слушает, реагирует, звучало крайне сомнительно. Именно поэтому оправдан дизайн повестки ПЭФ-2011 22 апреля, в течение которого были рассмотрены последовательно три «культуры» российской социально-экономической реальности: «Культура Один» — революционный тренд 1990–2000-х годов, «Культура Два» — стабилизационный тренд и, наконец, «Культура

Единство мнений на Пермском экономическом форуме вряд ли приветствуется — если это не продукт их интеллектуального синтеза

Три». Она, собственно, уже существует, коль скоро мы живем в 2011 году, и окружающее нас общество довольно легко признает, что «нулевые» закончились. Но несмотря на ее существование, до тех пор, пока она не описана, а ее идеи не сформулированы, названия у нее не будет. Интерактивное голосование, которое на ПЭФе стало рабочим инструментом для форума, уже во второй день показало, как легко представители

«Культуры Три» отвечают на вопросы из 2000-х, вокруг которых годами ломались копы. Например, 66% отвечавших уверены, что отмена губернаторских выборов снизила качество государственного управления в регионах, 26% — не изменило, лишь 8% голосовавших считает, что качество выросло, несмотря на то что глава края Олег Чиркунов — из их числа. 75% уверены в том, что ни эффективный менеджмент российских компаний, ни госполитика в этом секторе не объясняют, в отличие от роста цен на сырье, рост благосостояния крупнейших бизнесменов. 88% при этой формаль-

но левой позиции уверены: государство зарекомендовало себя как неэффективный собственник. Наконец, 77% уверены: будущее в либерализации и децентрализации экономики. Не думая при этом, что член комиссии при президенте РФ по модернизации и технологическому развитию Александр Аузан, руководивший работой по формулировке вариантов «общественного договора», при этом был готов к тому, что сообщество расколото на две группы по важнейшему вопросу, определявшему некое подобие общественного консенсуса «Культуры Два»: 43% опрошенных уве-

рены в том, что в конце 1990-х угроза распада страны была реальной, 57% отвергают эту версию. Тем не менее само по себе пространство, в котором общественный договор на следующие десятилетия может существовать, очерчивается голосованием более чем внятно. Приоритет интересам федеральной и муниципальной власти в этих вопросах отдала 10% голосовавших, 22% предлагают в первую очередь учитывать интересы бизнеса. Оставшиеся 68% — сторонники первоочередных интересов общества. 54% опрошенных считают основным тормозом общественного раз-

вития федеральную власть, 5% — бизнес, 24% — общество, 18% — региональную и муниципальную власть.

На этом основании может показаться, что ПЭФ — это сборище карбонариев и либертарианцев. Впрочем, иллюзии должны пропасть даже из анализа расписания сессий и развивающихся «околофорумных» мероприятий-конференций. Компания «Налоги и право», руководство и эксперты АНХ и ВШЭ, представители McKinsey и IBS, руководители Торгово-промышленной палаты, инвестбанкиры и политконсультанты, да и просто, не побоюсь этого слова, члены партии «Единая Россия» — эту аудиторию проще встретить в Белом доме, чем на митинге.

Александр Аузан, вероятно, был удовлетворен прагматичностью мнений, поставив на голосование два «альтернативных» варианта выработанных кратких формул общественного договора. Вариант один — «расширение автономности в обмен на продление лояльности»: общество, сочетающее умеренно левые, децентралистские и общелиберальные взгляды, готово отказаться от революционных настроений в обмен на программу постепенной широкой автономизации жизни. Вариант два — участие в принятии властных решений в обмен на инвестиции в производство общественных благ: то же общество готово идти во власть, если власть будет активно инвестировать в сферы, восстанавливаемые обществом (вопрос о том, что речь идет о чисто налоговом перераспределении средств того же общества, увы, не затрагивался). 30% признали вариант один менее приемлемым, чем второй. И 70% против тех же 30% считают версию «автономия, оплаченная лояльностью» более вероятной. Что из этого следует? У меня не было возможности задать этот вопрос участникам ПЭФ-2011.

«От глупых форумов к умной коммуникационной экономике»

Буллат Столяров, продюсер Пермского экономического форума

Пока формат Пермского экономического форума никто в России даже и не пытается повторить: с одной стороны, это сложно, с другой — слишком страшно, с третьей — слишком непонятно. БУЛАТ СТОЛЯРОВ, генеральный директор IPR Group, продюсер форума, рассказывает о том, почему форум проводится именно так, как это происходит.

Коммуникационный бизнес в стране почти нет. По доле в ВВП конгрессно-выставочной экономики мы отстали от негениальных Центральной и Восточной Европы в четыре-десять раз. Более 60% событий, которые можно назвать событиями, происходит в Москве. При этом у всей нашей элиты полное ощущение переполненности коммуникационного поля безумным количеством бессмысленных форумов. Когда говоришь, что у нас в стране на 83 региона 46 экономических и инвестиционных форумов, для любого разумного человека это чудовищная жисть — ну куда столько? Чего на них можно обсуждать? Спикеров меньше, чем форумов.

Как разгадать этот ребус? Как такое малое количество коммуникационного сектора в экономике сумело в такое короткое время так сильно всех укатать? И какие есть перспективы у коммуникационного кластера в России? Ответ делится на две неравные части — Soft и Hard, то есть проблемы с бытиями и с инфраструктурой.

Для любого разумного человека это чудовищная жисть — ну куда столько?

Soft: бессмысленных мероприятий действительно полно, их больше 90%. И ничем, кроме низкого продюсерского профессионализма, объяснить это нельзя. Программа большинства выставок, форумов и конференций просто не содержит никакой мысли, не ищите ее там. Это поразительно, насколько малое число продюсеров в состоянии думать про событие как про комплексную услугу, состоящую из сотен экономических сервисов в адрес десятков групп конкретных аудиторий со своими ясными интересами. Большая часть проходящих в стране экономических ивентов не преследует никакой цели, кроме того, чтобы мероприятие состоялось как факт.

С сектором B2C ситуация обстоит немного лучше. Если выставка цветов, православной утвари, автомобильных аксессуаров или шуб не нашла своего потребителя, она просто обанкротилась. Таких прикладных проектов просто мало, они, как правило, и близко не дотягивают до зарубежных аналогов, но там по крайней мере часто ясны продукт и аудитория. Экономический или политический ивент (B2B или B2C) может довольно долго дурить голову потребителя, не создавая вообще никакой ценности — или создавая ее в области откатов.

Пожоже, революционного сценария улучшения состояния экономических форумов в стране нет. Я не знаю, о чем думают люди, которые тратят миллионы долларов на бесцельные события. Видимо, это вопрос только эволюции рынка: потребители постепенно разбираются, где коммуникационный продукт есть, а где его нет, и голосуют рублем и ногами. В этой связи будут и дальше укрупняться такие площадки, как Пермский форум, «Иннопром», форум «Россия», форум «Роснано», возможно, появятся новые бренды. Безусловно, качественный рост статуса осмысленных площадок и дальше будет во многом зависеть от того, насколько востребованы в России они будут и властью.

С сектором B2C вновь проще: тут ситуация будет прогрессировать исключительно в жесткой узвязке с появлением на российском рынке новых качественных выставочных брендов, слишком многие из которых или не пришли на наш рынок, или пришли в урезанном виде — только в Москву и Питер. Но здесь они сталкиваются со второй проблемой — качеством конгрессно-выставочной инфраструктуры в стране. Пока ее нет, брендов не будет, а значит, не будет и публики.

Hard: инфраструктура просто нет. Делать мероприятия не на чем. Форум и выставки проходят в театрах, спортзалах, на набережных, на складах и в аэропортах, но только не в экспонентах. Продюсер, прежде чем делать выставку или форум, должен построить что-то типа одноразового конгресс-центра. Это примерно то же самое, что рассуждать о развитии железнодорожных перевозок в отсутствие рельсов или спутниковой связи — в отсутствие спутников: мол, пусть провайдеры сами строят космосдор, если им надо.

Рыночный спрос на качественную конгрессно-выставочную инфраструктуру в российских миллионниках составляет сегодня от 20–40 тыс. м (экономический минимум для заметного города) до 100 тыс. м (в случае если город намерен развивать коммуникационный кластер и заниматься организацией делового туристического трафика). Разбор турпотока — от десятков тысяч до сотен тысяч человек в год, для чемпионов лет через пять-семь — несколько миллионов. Эта публика, которая приезжает строго за держателями коммуникационных брендов и продуктов, которым надо только создать инфраструктурные условия для деятельности. Вот почему многие города и регионы Европы за свои деньги, без привлечения частного капитала строят огромные выставочные центры — это просто новая урбанистическая инфраструктура. Города и регионы, которые первыми разовьют адекватные конгрессно-выставочные мощности, станут в новом времени коммуникационными столицами страны. Думаю, это более чем актуально для 70% крупных городов, находящихся в латентном или явном коллапсе идей по поводу собственного экономического развития в постиндустриальной ситуации.

«МЫ МОЖЕМ САМОУНИЧТОЖИТЬСЯ»

Основной целью VII Пермского экономического форума стало обсуждение нового общественного договора между федеральной властью, регионами, бизнесом и обществом. В результате каждая сторона представила участникам программы свои претензии и предложения относительно будущей совместной жизни: предложения конфликтны, но, во всяком случае, обсуждение показало: предмет обсуждения есть.

Председатель совета директоров ГК «Баркли» Леонид Казинец

Договаривающие стороны должны в первую очередь понимать, что у них есть вещи, которые они хотят получить, и те, которые они готовы отдать. И если ситуации совпадают, тогда и возникает договор. Мы хотим, чтобы государство просто перестало заниматься бизнесом. Государство в нашей стране традиционно было основным органом, который создавал материальные ценности, услуги, поэтому уходит из секторов оно мало и медленно.

Но наша цель — это обеспечение равных условий участникам рынка, развитие конкуренции. Наши основные претензии — к федеральному центру и регионам. Есть претензии и к себе — за нашу неактивность, нечеткость и неконсолидированность позиции в представлении своих интересов. Необходимо убрать административный ресурс как неизбежный механизм работы бизнеса в государстве. И требуется действительно независимая, справедливая судебная система для защиты интересов предпринимательства и частной собственности. Налоговое администрирование должно быть эффективным — это значит, что если налоги платятся, они платятся всем, и тогда не возникает ситуации, когда неплательщики оказываются в привилегированном положении. Государство не должно нести не свои функции, а должно заниматься регулированием рынка. Бизнес должен сильнее защищать свои интересы, в том числе и против неправовых действий государства. Сегодня это сложно и рискованно.

Мы готовы отдать довольно много и готовы брать на себя ответственность за развитие со-

циальной среды — это должно стать инстинктом самосохранения бизнеса, а также всех других участников общественного договора. Лучшие представители бизнеса готовы не отправлять своих детей, такая возможность есть. Дети должны оставаться заложниками страны: очень легко делать что угодно, если твои дети не здесь.

Член совета «Клуб 2015»

Николай Коварский

Серьезные претензии у нас (федеральной власти). — «Ъ» есть ко всем. Общество у нас инфантильное, неразвитое, лодыжки так себе: в регионах воруют, ничего не хотят делать, бизнес эгоистичный, все время все крадет — у нас крадет, а мы этого не любим, поскольку сами все любим красть. Но поскольку есть ощущение, что надо делиться ресурсами, то мы готовы делиться и полномочиями. Вероятно, надо вернуться к идее выборов, по крайней мере, в регионах, а также изменить систему контроля за регионами, в большей степени отдав это на откуп общественности. В системе межбюджетных отношений — давать

регионам больше денег. Функции правопорядка разгрузить из центра, передать их частным компаниям и регионам.

Директор Центра гражданского анализа и независимых исследований Светлана Маковецкая

Среди основных целей для развития общества можно выделить пять направлений: разрушение негативного патриотизма и создание продуктивной культуры в стране, комфортность городской и сельской среды, децентрализация и гибкость в принятии решений для регионов, доступность значимой информации и гарантия учета результатов общественной экспертизы при принятии решений, прямая коммуникация общества с властью. У общества сегодня много претензий. Так, например, мы не очень понимаем, почему с нами не согласовывают объем и направление средств на налоги. Мы считаем, что административно-командный способ децентрализации — это похоронный марш самой децентрализации. Мы очень недовольны обесчеловеченными мес-

тных бюджетов. Мы полагаем, что государство заигралось с тем, что постоянно ковыряет исторические шрамы.

Но у нас есть ресурсы, которых нет ни у кого. У нас есть свободное время, и мы вполне его потратить так, как считаем нужным, в том числе на благотворительность, волонтерство и т. д. У нас есть деньги для налогов и финансирования общих нужд. У нас есть нормы и ценности, которые позволяют регулировать методами стыда то, что государство не может регулировать методами страха. У нас есть лидеры и герои с ресурсом доверия. Наконец, у нас есть общественное внимание, которое мы можем даровать государству и бизнесу или можем в нем отказывать. Мы можем саморегулироваться, проводить независимую экспертизу, договариваться с государством частным образом или лоббировать интересы отдельных групп. Мы в принципе можем обойтись без государства и бизнеса, а вы попробуете обойтись без нас. И, наконец, мы можем самоуничтожиться — умереть от пьянства или наркотиков, или уехать, выбрав другое государство и другой быт.

«В России время от времени все уничтожается»

Концепция VII Пермского экономического форума была построена на метафоре из книги Владимира Паперного 1980-х годов «Культура Два», в которой он описал два периода жизни страны — революционный (Культура Два) и стабилизационный (Культура Один). В поисках новой «Культуры Три» на форум приехал и сам автор, который, правда, вот уже почти 30 лет в России не живет. Почему человеческий талант остается в России главной национальной валютой и какие события последнего времени изменили имидж страны, ВЛАДИМИР ПАПЕРНЫЙ рассказал в интервью „Ъ“.

— Вы как автор двух определений — «Культура Один» и «Культура Два» — наверняка должны знать, что же такое «Культура Три»? — Я этого не знаю и думаю, что не знает никто. Понятие «Культура Три» позволяет творчески осмыслить его наполнение. Все согласны с тем, что эта новая культура возможна, а главное, необходима. Эта возможность появилась лишь потому, что колебания между двумя периодами —

революционным и стабилизационным — продолжают слишком долго. Причем это не поступательное движение, а какое-то вращательное движение по замкнутому кругу. В России время от времени все уничтожается, все начинается сначала, строится, строится, потом приходит какое-то следующее поколение, какая-то следующая эпоха, и все начинается сначала. В результате не происходит никакого накопления.

Я всегда вспоминаю анекдот, в котором старого англичанина спрашивают, как вырастить хороший газон. Надо по-

сеять газон и 300 лет стричь одну и ту же траву. У нас газон вырывают и не умеют его сажать, стригут, потом вытаскивают, потом заливают асфальтом, потом на этом месте выкапывают яму и строят небоскреб. «Культура Три» — это то, что соединяет динамику движения в будущем с пониманием того, что ничего разрушать нельзя. — В последнее время вы стали чаще приезжать в Россию, активнее здесь работать. Вы нашли российские реалии для себя комфортными?

— Есть много причин. Моя жизнь в Америке очень комфортна, жизнь в Москве по сравнению с ней очень не комфортна. Но в России другое отношение к моей роли. В Америке я в основном занимаюсь дизайном (первое образование — факультет промышленного дизайна Стрoгановского училища. — «Ъ»), есть какие-то клиенты. Но если в Америке меня знают примерно тысяча человек, то в России их гораздо больше. Поэтому если у меня есть желание поделиться какой-то мыслью, то здесь меня услышит гораздо больше людей, чем в Америке, здесь у меня гораздо бо-

лее широкая аудитория, мне интереснее бывать здесь.

Первые семь лет после своего переезда (уехал в 1981 году. — «Ъ») я был полностью лишен возможности приезжать в Россию, мне сказали, что я никогда сюда не приеду, не увижу своих родственников. Потом произошла «перестройка», и я смог впервые приехать в 1988 году. С тех пор я достаточно часто стал приезжать. — Почему совсем не хотите вернуться в Россию?

— Мне нравится здесь часто бывать, но в принципе сейчас абсолютно не важно, где ты живешь или работаешь. — Находясь все-таки в некоем отстранении от России, вы наверняка можете оценить ее какие-то основные конкурентные преимущества. — Главное преимущество — это человеческий талант. Россия создала большое количество талантливых людей или, как минимум, не меньше чем другие страны. Удивительно, какое количество умных и талантливых людей уничтожилось в России при Иване Грозном, Петре I, при Ленине, при Сталине. И все равно таланты продолжают здесь появляться! Главная валюта, которая сегодня есть

в России. — Это человеческий талант. И, безусловно, людей очень важно попытаться каким-то образом вернуть — пусть если не окончательно, — пусть для частичного участия в российской жизни. Среди моих друзей-эмигрантов есть такое мнение, что Россия — это дыра, которую лучше вычеркнуть из сознания. Российская история развивалась через серию катастроф — развивалась, потом приходила в упадок и снова начинала развиваться. Отсутствие культурного и экономического накопления является основным тормозом для страны. — А таланты в сфере освоения природных ресурсов или поэты-песенники?

— Россию серьезно может продвинуть вперед именно гуманитарная мысль. Еще у Николая Гумилева были поэты будущего, которым «предоставлено править миром», и это на самом деле совершенно правильная мысль. Если в сталинскую эпоху, которую можно назвать реализацией идеального государства Платона, поэты были изгнаны и находились на самой низкой ступени, то сейчас они вновь должны вернуться. — Какие события последнего времени, на ваш взгляд,

положительно изменили имидж России?

— Очень важным событием, на мой взгляд, стало признание премии «Инновации» группе «Война» (в начале апреля арт-группа получила премию «Прозвездение визуального искусства» за акцию «Х.й в плену у ФСБ»; см. „Ъ“ от 9 апреля). Сам факт того, что Министерство культуры назвало акцию хулиганской выходкой, но все равно она получила премию — это уже точно не тоталитарное общество. Это отчетливый знак позитивных изменений, если государство говорит, что это плохо, а какой-то общественный совет дает им премию. Я, кстати, считаю группу «Война» очень талантливыми людьми — это примитивность и чистота на уровне древнего искусства. Ими нельзя не восхищаться.

Еще меня удивлял, когда говорят, что в России страшная цензура. На телевидении, согласен, она существует, причем в форме скорее самоцензуры. Но в целом при наличии интернета, каналов типа «Дождь» и т. п. любой человек имеет возможность высказать практически любую мысль.

Интервью взяла Ирина Парфентьева